

**Халықаралық
ұйымдардың саясаты
және құқығы**

**Право и политика
международных
организаций**

**Law and policy
of international
organizations**

УДК 341.17

Ж.М. Аманжолов, Е.Б. Ахметов*

Факультет международных отношений,

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: univer_ird75@mail.ru

**Проблемы и перспективы в военно-политическом измерении ШОС:
научный и международно-правовой анализ некоторых аспектов вопроса**

В настоящей статье авторы совместно исследуют вопросы, связанные с выявлением серьезных проблем, не способствующих дальнейшему развитию интеграционной модели военно-политических аспектов региональной безопасности. К ним относятся, прежде всего, расхождения в вопросах приоритетности деятельности ШОС и взглядах на целесообразность и особенности реализации ряда совместных проектов; комплекс внутренних противоречий между странами-участниками, включающий весь спектр расхождений стратегических интересов, преследуемых каждым из государств-членов; также асимметричность государств-участников организации по своему политическому и экономическому потенциалу. В данном отношении особенно ярко проявляются различия между КНР и РФ, как крупнейших мировых держав, с одной стороны, и молодых центральноазиатских республик, с другой. В заключении, на основе системного анализа авторами предлагаются некоторые возможные пути решения обозначенных вопросов в международно-правовом контексте.

Ключевые слова: военно-политическая безопасность, региональная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, Центральная Азия.

Zh. Amanzholov, Y. Akhmetov

**Problems and prospects in the politico-military dimension of the SCO: scientific and international
legal analysis of some aspects of the question**

In this article the authors jointly explore issues related to the detection of serious problems, not conducive to the further development of the integration model of the military and political aspects of regional security. These include, above all, differences in matters of priority activities of the SCO and views on the desirability and features a number of joint projects, the complex internal contradictions among the member countries, including the full range of differences strategic interests pursued by each of the Member States, as asymmetry of members of the organization in its political and economic potential. In this respect, particularly pronounced differences between China and Russia, as major world powers, on the one hand, and the young Central Asian republics, on the other. Based on a systematic analysis of their offers some possible solutions to the issues identified in the international legal context.

Key words: military and political security, regional security, Shanghai Cooperation Organization, Central Asia.

Ж.М. Аманжолов, Е.Б. Ахметов

**ШЫҰ әскери-саяси өлшемі аясындағы мәселелер мен перспективалар: мәселенің кейбір
қырларының ғылыми және халықаралық-құқықтық талдануы**

Аталған мақалада авторлар аймақтық қауіпсіздіктің әскери-саяси қырларының интеграциялық моделінің әрі қарай дамуына кедергі жасайтын күрделі мәселелерді айқындаумен байланысты мәселелерді бірігіп

зерттейді. Оларға, ең бастысы, ШЫҰ қызметі аясында басым бағыттарды қамту барысында бірегей бірнеше жобаларды жүзеге асыру кезінде мүше-мемлекеттер арасында орын алатын келеңсіздіктер; стратегиялық мүдделерді толық қамту кезіндегі әр мүше-мемлекет тарапынан орын алатын үйлеспеушілік және мүше-мемлекеттер арасындағы ішкі қарама-қайшылықтар кешені; сонымен қатар ұйымға мүше-мемлекеттердің өздерінің саяси және экономикалық потенциалдары бойынша ассиметриясы. Осы орайда, бір жағынан, үлкен әлем державалары ретінде ҚХР мен РФ арасындағы өзгешелікті көрсетуге, екінші жағынан, жас Орталық Азия республикаларын атап айтуға болады. Қорытындылай келе, авторлар жүйелік талдау жасау негізінде айқындалған мәселелерді шешудің кейбір мүмкін жолдарын халықаралық-құқықтық контексте ұсынып отыр.

Түйін сөздер: әскери-саяси қауіпсіздік, аумақтық қауіпсіздік, Шанхай ынтымақтастық ұйымы, Орталық Азия.

Введение

Шанхайская организация сотрудничества за весь период своей деятельности – с 1996 г. вплоть до настоящего времени – добилась значимых успехов в обеспечении региональной безопасности в зоне юридической ответственности. Вместе с тем нельзя не отметить, что одновременно и объективно существуют те проблемы и вопросы, без разрешения которых трудно будет определить дальнейшие процессы развития учреждения на краткосрочную, среднесрочную, и возможно даже, на долгосрочную перспективу. При этом, по мнению К. Сыроежкина, «очерчивать перспективы развития той или иной международной организации в наше нестабильное время довольно сложно», и «особенно сложно сделать» это как раз «для Шанхайской организации сотрудничества» [1, с. 42]. По наблюдению автора, «вызвано это тем, что, несмотря на организационное становление ШОС и ее превращение в полноценную международную организацию, которую, если не уважают, то по крайней мере, опасаются, она обременена массой проблем. Причем, как показывает анализ деятельности ШОС, ни одна из имеющих место проблем за последние годы в полном объеме так и не решена» [1, с. 42].

Недостатки и пробелы в функционирующей системе ШОС

Соглашаясь с этим последним утверждением и признавая то обстоятельство, что «внутри... Шанхайской организации сотрудничества... имеет место целый комплекс серьезных противоречий» [2], в действительности «серьезно осложняющих эффективное и гармоничное функционирование данной структуры» [2], А.

Каукуенов акцентирует внимание на следующих основных из них.

«В первую очередь, это ассиметричность государств-участников Шанхайской организации сотрудничества по своему политическому и экономическому потенциалу. В данном отношении особенно ярко проявляются различия между КНР и РФ, как крупнейших мировых держав, с одной стороны, и молодых центральноазиатских республик, с другой.

Во-вторых, расхождения в вопросах приоритетности деятельности ШОС и взглядах на целесообразность и особенности реализации ряда совместных проектов.

В-третьих, комплекс внутренних противоречий между странами-участницами, включающий весь спектр расхождений стратегических интересов, преследуемых каждым из государств. В этой связи, неоднократно обсуждавшаяся проблема о том, что деятельность ШОС, во многом обуславливается интересами Китая и России, снова приобретает свою актуальность» [2].

Как в отдельных, частных аспектах, так и в целом вышеобозначенные проблемы подтверждаются мнениями и других исследователей. Так, А.Б. Шабарбаева полагает, что «расширение поля деятельности ШОС имело свои негативные стороны, способствуя, в определенной степени распылению сил организации, вызывая среди участников дискуссии о приоритетных направлениях дальнейшей ее эволюции» [3, с. 73], и «наиболее наглядно последнее обстоятельство проявляется во взаимоотношениях двух крупнейших государств-членов организации: России и Китая» [3, с. 73]. Во многом, по утверждению автора, это связано с тем, что в последнее время в ШОС, преимущественно «по инициативе КНР, все большее внимание обращается на необходимость дальнейшей активизации экономического

направления» [3, с. 73] в ущерб военно-политической составляющей. Поддерживает последнюю точку зрения Д. Сатпаев, который вполне серьезно считает, что ШОС «пока единственная региональная организация, которую Китай тем самым может использовать в качестве инструмента влияния на страны Центральной Азии» [4, с. 2]. Однако при этом вся проблема состоит в том, располагает ли ШОС, если речь идет о внешней агрессии, возможностями для ее отражения? Или, как задается вопросом М. Лаумулин, «насколько ШОС способна обеспечить безопасность Казахстана (и других центральноазиатских стран) от угрозы радикального исламизма?» [1, с. 53]. Полагаем, что вряд ли ШОС, как впрочем, и любая другая региональная организация, за исключением возможно ОДКБ, сможет оказать какое-либо влияние в случае таких кризисов в отношении того или иного государства региона. «Скорее здесь возможно участие отдельных игроков в лице США, России и Китая, чем со стороны организации» [4, с. 2]. Сам Китай в этой связи не может не беспокоить две проблемы: угроза дестабилизации страны «через активизацию регионального сепаратизма в... СУАР» [4, с. 2] и «усиление непредсказуемости политических процессов в странах Центральной Азии» [4, с. 2], что в свою очередь «порождает желание усилить свое влияние на эти процессы» [4, с. 2]. Но как бы то ни было Китай «исходит из того, что безопасность государств региона и СУАР взаимосвязаны, и нестабильность в Центральной Азии сказывается на безопасности северо-западного Китая» [4, с. 2]. И «здесь у Китая есть то, чего нет у России, а именно возможность привлечь к себе страны региона через экономические программы» [4, с. 2]*.

---

* Разумеется, речь не идет о создании некоего аналога ЕврАзЭС или Организации региональной инициативы. Скорее всего здесь имеется в виду более интенсивная активность Китая в Центральной Азии. Но до сих пор непонятен механизм объединения гигантского китайского экономического потенциала с разнонаправленными экономическими системами центральноазиатских государств, которые опасаются быть поглощенными в ходе китайской торговой экспансии. К тому же это вряд ли согласуется с намерением Казахстана вырваться из статуса «сырьевого придатка». См.: Сатпаев Д. ШОС о двух колесах: безопасность и экономика // Новое поколение. – 2004. – 30 апреля.

То, что ШОС воспринимается как преимущественно российско-китайский «совместный институциональный проект», отмечает Р. Элисон. В соответствии с его позицией, ШОС так и не вышла из маргинального положения после событий 11 сентября 2001 г., «в которое она попала, когда республики Центральной Азии в рамках двусторонних договоренностей подключились к антитеррористическим операциям, руководимым Соединенными Штатами в регионе» [5, с. 478]. Отсюда, заключает Н. Задерей, следует, что «ШОС влиятельна ровно настолько, насколько крепки российско-китайские отношения, которые все равно имеют ограниченный потенциал и поддерживаются на высоком уровне лишь для того, чтобы служить противовесом американским интересам» [6, с. 65]. Говоря другими словами, «в основе скептической интерпретации ШОС» лежат «сомнения в долговечности взаимных интересов России и Китая, отношения между которыми» хотя и «являются несущей конструкцией Организации» [6, с. 65], но в то же время дают определенное основание предполагать о том, что она инструмент политики двух держав для поддержания регионального баланса против США [6, с. 65]. «Подобные цели (инструментализация ШОС в качестве противовеса США)», поэтому, по мнению Р. Эллисона, «вряд ли будут поддержаны республиками Центральной Азии, которые стремятся развивать двусторонние отношения по вопросам безопасности с Соединенными Штатами» [5, с. 479]. Следовательно, как полагает Н. Задерей, это указывает не столько на то, как «совпадение целей участников проекта выглядит недостаточно убедительно» [6, с. 65], сколько «на недостаточную политическую волю к интеграции... центральноазиатских республик» [6, с. 64].

По выражению отечественного эксперта Д. Сатпаева появление ШОС «было внутренней необходимостью» [4, с. 2]. По замечанию М. Лаумулина, «многие наблюдатели с недоверием и скепсисом относятся к попыткам создателей ШОС представить свою организацию в качестве некоего элемента мультиполярного мира, центра силы современной геополитики» [1, с. 43]. По мнениям А. Бэйлиса и П. Данэй, иностранные аналитики часто доходят до крайностей, «изображая ШОС в образе агрессивного «анти-НАТО» или же вовсе нивелируя ее роль до малозначимого «декоративного фона» [7, с. 27]. Д. Уэлл будучи критически настроенным к

ШОС вовсе исходит из того, что она представляет собой «клуб автократов», обращая особое внимание на характер политического режима государств-членов ШОС [8]. Другой американский исследователь С. Йома придерживается позиции, согласно которой «события 11 сентября и война в Афганистане набросили тень неопределенности на будущее ШОС», поставив под сомнение эффективность предложенного ею механизма обеспечения безопасности в регионе [9]. С. Бланк критикует ШОС за неспособность противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам и ссылается при этом на то, что она совершенно не может отвечать таким вызовам безопасности – от террористических атак 11 сентября 2001 г. до революционной ситуации в Кыргызстане [10]. Между тем Р. Гирагосян, констатируя от себя то, по его утверждению, очевидное обстоятельство, что «мнения об антиамериканской направленности российско-китайской комбинации в рамках ШОС явно преувеличены» [11, с. 134], тем не менее, считает, что «будучи вскормлена до стадии полноценной организации, ШОС по-прежнему стеснена доминированием национальных интересов над многосторонним сотрудничеством во всех отношениях и существует лишь за счет определенных уступок со стороны некоторых ее членов» [11, с. 134].

Приведенные выше высказывания, таким образом, «наглядно иллюстрируют, что большинство западных аналитиков еще не отказались от стереотипов «холодной войны» и руководствуются преимущественно геополитическими соображениями, исследуя, как может деятельность Шанхайской организации сотрудничества повлиять на «баланс сил» в Восточной Евразии» [6, с. 64]. Н. Задерей дополнительно к сказанному верно замечает, что «Организация действительно сталкивается с многими трудностями, вытекающими из частично несовпадающих интересов участников, и технических проблем, связанных с процессом постепенной отработки, отшлифовки организационных механизмов, а также из необходимости постоянной адаптации к переменчивым условиям потенциально уязвимого региона» [6, с. 66]. Резюмируя свою мысль он приходит к выводу о том, что объективно «конфликт интересов по отдельным вопросам внутри Организации, безусловно, возможен, но не разрешим» [6, с. 66].

Следует ли согласиться с последним, как нам представляется, в категоричной форме сформулированным утверждением автора? Ответить

на этот вопрос можно, пожалуй, с учетом позитивных и негативных оценок деятельности ШОС, и следовательно, как положительно, так и отрицательно. Положительно в том смысле, как подчеркивает М. Лаумулин, «что в целом вся проблематика ШОС распадается на широкий круг задач, каждая из которых порой не связана с другими и решается зачастую вне рамок ШОС» [1, с. 43]. К ним, по его мнению, «относятся российско-китайские, российско-американские и китайско-американские отношения; проблемы безопасности с учетом взаимодействия ОДКБ, НАТО и ШОС; двусторонние отношения стран Центральной Азии с великими державами; обеспечение безопасности, внутрорегиональные отношения и противоречия в Центральной Азии» [1, с. 43]. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что «как таковая политика ШОС в чистом виде не существует» [1, с. 43]. Однако «сам факт существования ШОС и его кажущаяся внешнеполитическая (или геополитическая активность) создает эффект (или, если угодно, иллюзию) присутствия на региональной и мировой сцене нового серьезного игрока» [1, с. 43], что в совокупности всех неурегулированных вопросов не позволяет конструктивно рассматривать и разрешать имеющийся «пакет конфликта интересов». Объективным фактором «является также то, что Китай внутри ШОС фактически находится в одиночестве. Ему противостоит блок постсоветских государств, которые благодаря своему прошлому всегда могут находить общий язык в прямом и переносном смысле между собой, а Россия имеет свой специфический, отработанный подход к каждому из них» [1, с. 43]. Между тем как считает М. Теплоухова, «несмотря на масштабность прописанных... целей, реальная заинтересованность России в ШОС не так велика» [12, с. 97]. Безусловно, «главными задачами организации являются укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участники, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом...», - отмечает она [12, с. 97]. Однако «Дальний Восток России, находящийся в центре географического пространства ШОС, в большей степени страдает от угроз другого характера – ядерного кризиса на Корейском полуострове, территориальных претензий стран-соседей... пр.» [12, с. 97, 98], что указывает на недостаточную активность организации на азиатско-тихоокеанском участке зоны своей ответственности.

Суть же отрицательного ответа состоит главным образом в том, что, согласно позиции Ю.А. Никитиной, «глобализация деятельности и влияния более осуществима» именно «для ШОС» [13, с. 13], чем для других региональных организаций, функционирующих в регионе, «в силу соединения в этой организации в разных статусах сразу нескольких акторов (Россия, Китай, Индия), активно претендующих в настоящее время на возрождение или становление собственной глобальной роли в качестве великих держав XXI века» [13, с. 13]. Это означает, что не доводя конфликт интересов по отдельным вопросам до состояния спора или спорной ситуации возможно при проявлении соответствующей политической воли и решимости согласовать в контексте удовлетворения общих жизненно важных потребностей те или иные, устраивающие все стороны, международно-правовые позиции и решения, отказываясь при этом, безусловно, от узкоэгоистических, односторонних претензий и аргументов. Кроме того, нельзя не учитывать, что, как отмечает тот же М. Лаумулин, «Китай сделает все, чтобы не допустить эрозии ШОС как главного геополитического инструмента своего влияния в Центральной Азии и балансира китайско-российских отношений» [1, с. 44], т.е. он стремится и дальше будет стремиться «к тому, чтобы совместно со странами Центральной Азии и Россией создать механизмы, которые обеспечат региональную безопасность в коллективных рамках» [1, с. 44]. Наконец, для него также важно, «чтобы Центральная Азия не находилась под контролем какой-либо одной державы или группы держав, прежде всего тех, с которыми у Китая сложные геополитические и стратегические отношения» [1, с. 44]. Сказанное тем самым дает основание полагать, что Китай несмотря на неоднократно сделанные официальные заявления о преобразовании ШОС из политического объединения в экономическое поступится своими отдельными, принципиально важными для него интересами и будет далее способствовать эволюции военной составляющей стратегии организации. В частности (если не сказать в основном), проблема для Китая в указанном аспекте состоит в том, как синхронизировать антитеррористическую деятельность ШОС с участием вооруженных сил всех государств-членов, а также их военно-политическое, и вместе с ним, военно-техническое сотрудничество с аналогичными видами взаимодействия внутри ОДКБ, в которую, как известно,

за исключением его самого, входят все остальные участники ШОС.

Будущее укрепления организационно-правового механизма ШОС

Вышеизложенное соответственно показывает, что «ШОС представляет собой одну из самых противоречивых организаций в мире» [1, с. 44]. Это, по оценке М.Лаумулина, и «не военно-стратегический альянс», и «не полноценный экономический союз и не политическая организация в традиционном (географическом, культурно-цивилизационном и т.д.) понимании» [1, с. 44]. Отсюда, как полагает известный эксперт и ученый, вытекает, что «потенциал ШОС в области безопасности носит в большей степени абстрактный характер» [1, с. 44].

Означает ли это, что ШОС не следует рассматривать в качестве как таковой военно-политической организации?

Один из сторонников такого подхода Р. Андресцев убежден в том, что считать данное объединение чисто военной организацией на самом деле было бы неверно. «Во-первых, потому, что входящие в нее страны уже состоят в различных международных организациях и связаны самыми разными обязательствами, включая обязательства неучастия в военных блоках и союзах. Во-вторых, потому, что член ШОС – Китай – вообще традиционно придерживается линии на неприсоединение к блокам каких-либо государств» [14, с. 11]. Ю.А. Никитина проанализировав в комплексе деятельность ШОС и ОДКБ делает заключение о том, что «для ШОС в современных условиях скорее характерна десекуритизация многих вопросов, которые ранее предлагалось решать в контексте обеспечения безопасности, теперь же – прежде всего социально-экономическими инструментами» [13, с. 13]. Также она к сказанному существенно добавляет, что «сложившаяся к настоящему времени институциональная форма как ОДКБ, так и ШОС не вполне соответствует изначальным замыслам и моделям» [13, с. 13], так как «формирование и развитие как ОДКБ, так и ШОС протекало в форме соединения многих отдельно сложившихся под воздействием конкретно-исторических обстоятельств отдельных стратегий среднего уровня, которые пока» не только «так и не сложились в единую макростратегию» [13, с. 13], но и не выявили какую-либо приоритетную цель взаимо-

действия. Подобная трактовка позволяет другому автору – О. Горупаю в свою очередь заявить о том, что «в ШОС отсутствует военная составляющая, поэтому ОДКБ гармонично дополняет Шанхайскую организацию, придавая ей дополнительный... потенциал» [15].

Если же провести сравнительный анализ Североатлантического альянса и ШОС, то, как замечает Н. Задерей, можно указывать «на недостаток конкретных военных акций в рамках последнего объединения» [6, с. 66], и «в этом случае необходимо обратить внимание на тот факт, что Шанхайская организация концентрирует усилия на противодействии вызовам безопасности, таким, как терроризм и трансграничная преступность» [6, с. 66]. Поэтому «традиционные военные подходы малоэффективны применительно к вызовам, которые не имеют четких государственных границ и затрагивают «акторов вне суверенитета» [6, с. 66]. С выводом предыдущего автора выражает согласие и Н.Б. Ермекбаев, который также полагает, что «в отличие от НАТО, ШОС не является военно-политическим блоком» [16, с. 73]. Свое суждение представитель внешнеполитического ведомства Казахстана обосновывает тем, что деятельность организации «носит открытый характер, предполагающий ориентацию на широкое международное сотрудничество, а также возможность расширения состава» [16, с. 73], и «к тому же ШОС ориентирована не только на вопросы обеспечения безопасности...» [16, с. 73]. Необходимо в этой связи учитывать и то обстоятельство, что «входящие в ШОС республики Центральной Азии в той или иной степени развивают военное и военно-техническое сотрудничество с США и НАТО» [16, с. 73]. Его соответственно «можно рассматривать как сдерживающий фактор от перевода ШОС в плоскость противостояния с указанными субъектами международных отношений...» [16, с. 73]. С точки зрения М. Теплоуховой, «на сегодняшний день это объединение является первой сугубо политической, а не экономической площадкой взаимодействия» [12, с. 98], и тем более не военной организацией. Говоря о роли ШОС в развитии готовности к обеспечению военной безопасности она ссылается на проведение совместных военных учений и выявляет их недостатки. Во-первых, это несогласованность действий в период подготовки и непосредственно во время проведения таких мероприятий, о которых, кстати было немало сказано и написано много

раз [17]. Например, при проведении антитеррористических военных учений «Мирная миссия - 2007» с 9 по 17 августа 2007 г. в Челябинской области РФ, в рамках которых были задействованы около 4 тыс. военнослужащих из состава вооруженных сил государств-членов ШОС и порядка 50 тыс. единиц вооружения и техники, «Казахстан несмотря на обращения соответствующих ведомств Китая и России, не предоставил китайским военным права на железнодорожный транзит вооружений и личного состава через территорию страны к месту проведения учений» [16, с. 73], полагая, что «...такое решение противоречило бы законам страны» [16, с. 73], а также исходя из того, что «...имелись и другие, более короткие и рациональные пути транспортировки войск и боевой техники к месту проведения учений без транзита через третьи страны» [16, с. 73]. Во-вторых, «ни одна из четырех стран (кроме РФ и КНР) не могла предоставить достаточно подготовленный состав, крупные войсковые соединения, технику или авиацию. Следовательно, по-настоящему демонстрацией войск занимались только эти две страны», - утверждает М. Теплоухова [12, с. 98]. Подтверждается сказанное тем, что оба государства проведя впервые в истории двусторонних отношений совместное военное учение «Мирная миссия - 2005», развивали масштабы сотрудничества в этом направлении еще дальше в последующие годы. Так, крупнейшие за последние годы российско-китайские военные учения «Мирная миссия - 2009» были развернуты на приграничной территории обеих стран [12, с. 98]. Они «проходили с 22 по 26 июля 2009 г. в районе Хабаровска и на северо-востоке КНР, с обеих сторон было задействовано около 3000 военнослужащих, более 300 единиц наземной техники, свыше 45 вертолетов и самолетов» [12, с. 98]. Что касается других членов ШОС, то они проводят военные учения вместе с Россией и Китаем, начиная с 2003 г., ежегодно по согласованию на территории одного или двух государств, однако их характер и масштабы уступают совместным военно-тактическим и военно-стратегическим учениям обеих ядерных держав, которые действуют в этой области сотрудничества не в последнюю очередь с учетом принятой ими Совместной декларации о международном порядке в XXI веке. Но вместе с тем и здесь обнаруживаются некоторые серьезные проблемы. В частности, «среди российских военных нет единства в отношении степени и глу-

бины военно-стратегического сотрудничества: в российском Генштабе не считают КНР военным союзником России, поэтому продажа некоторых видов новой военной техники в эту страну запрещена. Россия также неохотно идет на продажу в Китай всего комплекса лицензий на производство сложных систем вооружений» [1, с. 44].

В то же время, как осторожно отмечает тот же Н.Б. Еремекбаев в противовес своему ранее высказанному суждению, «необходимо признать, что ШОС играет важную военно-политическую роль независимо от экспертных оценок» [16, с. 75]. Особый оттенок организации, по его мнению, «в данном контексте придает участие в качестве наблюдателя Ирана» [16, с. 75]. Далее он соглашается с тем, что все-таки «в деятельности ШОС присутствует военная составляющая, официально трактуемая как совместная борьба с терроризмом, организованной преступностью» [16, с. 75].

«Принципиальную особенность ШОС как международной региональной организации в сфере безопасности, которая заключается в том, что организационные механизмы (РАТС – Региональная антитеррористическая структура) и регламентирующая правовая база ШОС ориентированы на обеспечение регионального взаимодействия государств в противодействии новейшим трансграничным вызовам и угрозам безопасности негосударственного характера: т.е. – терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и другие проявления транснациональной преступности», подчеркивает и В.С. Лавров [18, с. 128]. А. Бэйлс и П. Данэй идут дальше, говоря о том, что «ШОС приняла «повестку дня двадцать первого века», которая действительно позволяет вести совместную борьбу с негосударственными угрозами (терроризм, сепаратизм, экстремизм), и признает», кроме этого, «значимость таких факторов для решения вопросов безопасности, как инфраструктура, коммуникации, энергоресурсы и экономическое равновесие» [7, с. 3].

Нельзя забывать и о том, что первоочередное внимание ШОС к вопросам военной безопасности вытекает и из предшествующих совместных действий государств-членов. Как напоминает в своей статье Президент РФ В.В. Путин, «создание этой региональной организации было результатом длительных усилий по укреплению взаимного доверия» [19], имея в виду Шанхайское и Московское Соглашения об укреплении

доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы 1996 и 1997 гг.

Важно обратить внимание в этой связи и на более весомое обоснование В.С. Лаврова – ученого, специально исследовавшего статус и деятельность организации, в том числе ее военно-политический аспект, согласно которому «в отличие, например, от государств Европы, где исторически сложилась разветвленная система международно-правовых отношений, нормативная и концептуальная база регулирования вопросов войны и мира, предотвращения и урегулирования конфликтов, – усилия государств-членов ШОС по выработке модели региональной безопасности являются фактически одним из первых опытов создания реально функционирующей системы коллективной безопасности на азиатском континенте» [18, с. 134]. Таким образом, автор не только утверждает о том, что на самом деле в результате практики взаимоотношений государств-членов организации сложилась региональная система безопасности в традиционном ее понимании, но и считает необходимым отметить тот факт, «что если обязательства государств в рамках ОБСЕ носят характер политических обязательств – то государства-члены ШОС с самого начала пошли по пути договорного закрепления положений, касающихся регулирования сотрудничества в обеспечении безопасности в регионе, т.е. пошли по пути выработки и принятия норм, обладающих обязательной юридической силой» [18, с. 134].

Единственный вопрос, который, однако возникает в этой связи, состоит в том, почему до сих пор государства-члены ШОС, несмотря на юридическое закрепление своих обязательств, не признали и/или не оформили созданную ими организацию в статусе «регионального органа» или «регионального соглашения» по смыслу главы VIII Устава ООН? Несомненно, решение этого вопроса с учетом опыта ОБСЕ, когда она по общему согласию всех государств-участников 5 декабря 1994 г. была преобразована из Совещания в общеевропейскую региональную организацию безопасности и сотрудничества в соответствии с требованиями ст.ст. 52, 53 и 54 вышеуказанного многостороннего международного договора, способствовало бы расширению полномочий и возможностей ШОС в деле укрепления организационно-правовых механизмов обеспечения военно-политической безопасности в регионе

своей ответственности. В этом контексте А.Б. Шабарбаева справедливо замечает, что к примеру, «государства Центральной Азии, безусловно, заинтересованы в создании региональной системы коллективной безопасности и развитии военно-политического компонента Шанхайской организации, в перспективе могущего стать одним из основополагающих элементов этой системы, а также фактором, способствующим формированию реальной многополярности» [3, с. 74]. И в частности, как ей представляется, «с учетом сочетания механизмов по поддержанию безопасности и экономической составляющей, именно Шанхайская организация могла бы стать координирующим органом по урегулированию ситуации вокруг Афганистана» [3, с. 74]. Возможно, одним из первых «осторожных», но необходимых шагов в этом направлении станет разрабатываемый в настоящее время в Министерстве обороны и Генеральном штабе Вооруженных Сил РФ совместно с другими заинтересованными ведомствами проект Концепции сотрудничества в военной сфере между оборонными ведомствами государств-членов ШОС, который как предполагается, послужит в дальнейшем основой для юридического формирования полноценного военно-политического объединения. «Основная цель концепции – поэтапное и целенаправленное развитие военного сотрудничества оборонных структур в рамках организации с учетом современных вызовов и угроз, организация взаимодействия военной составляющей государств-членов с другими международными организациями, в том числе с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)» [20], при этом «разработка данного концептуаль-

ного документа тесно увязана с антитеррористическими задачами...» [20].

Заключение

Пока же следует это признать, ШОС остается консервативной структурой, отчасти отвечающей за общерегиональную безопасность и стабильность. Сотрудничество в ее рамках между государствами-членами ограничилось внутренним пространством и исключительно мерами по укреплению доверия в районе границы, а также проводимыми один раз в год военными учениями. Однако ситуация как в самом регионе ее влияния, так и за его пределами постоянно меняется (это иранская национальная ядерная программа, возможная «война» между этой страной и США и Израилем, сложные противоречия в двусторонних отношениях между Индией и Пакистаном, а также их де-факто признанные статусы ядерных держав, неурегулированность положения в Афганистане, угрозы распространения идей религиозного сепаратизма и экстремизма и т.д.). Если исходить из реального и потенциала характера этих обстоятельств, то ШОС, видимо, придется разрабатывать и другие документы, например, проекты актов, регламентирующие создание коллективных вооруженных сил или совместных миротворческих соединений, вопросы оперативного планирования, подготовки кадров, постоянной боевой подготовки, военно-технического сотрудничества и др. В таком случае, возможно, сама организация сменит официальное наименование с ШОС на Шанхайскую организацию безопасности и сотрудничества.

Литература

- 1 Лаумулин М.Т., Сыроежкин К.Л. Внешняя политика КНР на современном этапе: реалии и амбиции // Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы: Науч. изд. / Под ред. Ашимбаева М.С. – Алматы: КИСИ, 2005. – С. 8-72.
- 2 Каукенов А. ШОС: внутренние противоречия и реальный потенциал сотрудничества // <<http://www.easttime.Ru/analytic/1/180.html>>
- 3 Шабарбаева А.Б. Межгосударственное сотрудничество Республики Казахстан в рамках СВМДА в контексте обеспечения региональной безопасности (политологический анализ). Дисс. канд. полит. наук. – Алматы: КазНУ имени аль-Фараби, 2009. – 144 с.
- 4 Сатпаев Д. ШОС о двух колесах: безопасность и экономика // Новое поколение. – 2004. – 30 апреля.
- 5 Allison R. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // International Affairs. – 2004. – № 2. – P. 473-482.
- 6 Задерей Н. Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1. – С. 62-69.
- 7 Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. – N. 17. May. – P. 4-30

// <<http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download>>.

8 Wall. D. The Shanghai Cooperation Organization: uneasy amity // Open Democracy Website: <http://193.41.101.59/debates/article.jsp?id=6&debated=28&articled=3653>, accepted (16/06/2006).

9 Yom S. Power Politics in Central Asia // Harvard Asia Quarterly. – 2002. – Vol. 6. – No. 4. // <<http://www.asiaquarterly.com/content/view/129/>>.

10 Blank S. The Shanghai Cooperation Organization: Post-Mortem or Prophecy. CEF Quarterly // The Journal of the China-Eurasia Forum. 2005. Summer. // <http://www.chinaeurasia.org/files/CEF_Quarterly_August_2005.pdf>.

11 Giragosian R. The Strategic Central Asian arena // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2006. – Vol. 4. – № 1. – P. 134.

12 Теплоухова М. Россия и международные структуры АТР: повестка дня для российского Дальнего Востока // Индекс безопасности. – 2010. – № 1 (92), Том 16. – С. 97-101.

13 Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС. Автореф. дисс. канд. полит. наук. – Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, 2008. – 25 с.

14 Андреешев Р. ШОС сегодня и завтра // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 1, Январь. – С. 10-14.

15 Горупай О. ШОС и безопасность на глобальном уровне // Красная звезда. – 2007. – 3 августа.

16 Ермекбаев Н.Б. Многостороннее взаимодействие в сфере безопасности в Азии в контексте внешнеполитической стратегии Казахстана: политические аспекты. Дисс. канд. полит. наук. – Алматы: Академия государственного управления при Президенте РК, 2009. – 153 с.

17 Министры обороны стран ШОС обсудили подготовку к совместным антитеррористическим учениям. Центр Азия. // <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1183967100>>.

18 Лавров В.С. Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества (международно-правовой аспект). Дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 191 с.

19 Путин В.В. ШОС – новая модель для успешного международного сотрудничества // Российская газета. – 2006. – 14 июня.

20 В Минобороны РФ разрабатывается концепция военного сотрудничества в рамках ШОС // Новости ВПК. // <http://vpk.name/news/2944_v_minoboronyi_rf_razrabatyvaetsya_koncepciya_voennogo_sotrudnichestva_v_ramkah_shos.html>.

References

1 Laumulin M.T., Syroezhkin K.L. Vneshnyaya politika KNR na sovremennom etape: realii i ambitsii // Politika KNR na sovremennom etape: realii i perspektivy: Nauts. izd. / Pod red. Ashimbaeva M.S. – Алматы: KISI, 2005. – S. 8-72.

2 Kaukenov A. SHOS: vnutrennie protivorechiya i real'nyy potentsial sotrudnichestva // <<http://www.easttime.Ru/analytic/1/180.html>>.

3 Shabarbaeva A.B. Mezhdunarstvennoe sotrudnichestvo Respubliki Kazakhstan v ramkah SVMDA v kontekste obespecheniya regional'noi bezopasnosti (politologicheskii analiz). Diss. kand. polit. nauk. – Алматы: KazNU imeni al'-Farabi, 2009. – 191 s.

4 Satpaev D. SHOS o dvuh kolesah: bezopasnost' i ekonomika // Novoe pokolenie. – 2004. – 30 aprelya.

5 Allison R. Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // International Affairs. – 2004. – № 2. – P. 473-482.

6 Zaderei N. Evolyutsiya vospriyatya Shanhaiskoi organizatsii sotrudnichestva na Zapade // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2008. – № 1. – S. 62-69.

7 Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. – N. 17. May. – P. 4-30. // <<http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download>>.

8 Wall. D. The Shanghai Cooperation Organization: uneasy amity // Open Democracy Website: <http://193.41.101.59/debates/article.jsp?id=6&debated=28&articled=3653>, accepted (16/06/2006).

9 Yom S. Power Politics in Central Asia // Harvard Asia Quarterly. – 2002. – Vol. 6. – No. 4. // <<http://www.asiaquarterly.com/content/view/129/>>.

10 Blank S. The Shanghai Cooperation Organization: Post-Mortem or Prophecy. CEF Quarterly // The Journal of the China-Eurasia Forum. 2005. Summer. // <http://www.chinaeurasia.org/files/CEF_Quarterly_August_2005.pdf>.

11 Giragosian R. The Strategic Central Asian arena // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2006. – Vol. 4. – № 1. – P. 134.

12 Teplouhova M. Rossiya i mezhdunarodnye struktury v ATR: povestka dnya dlya rossiiskogo Dal'nego Vostoka // Indeks bezopasnosti. – 2010. – № 1 (92), Tom 16. – S. 97-101.

13 Nikitina Yu.A. Evolyutsiya mehanizmov i mezhdunarodno-politicheskikh strategii ODKB i SHOS. Avtoref. diss. kand. polit. nauk. – Москва: Diplomaticheskaya akademiya MID RF, 2008. – 25 s.

14 Andreev R. SHOS segodnya i zavtra // Aziya i Afrika segodnya. – 2008. – № 1, Yanvar'. – S. 10-14.

15 Gorupai O. SHOS i bezopasnost' na global'nom urovne // Krasnaya zvezda. – 2007. – 3 avgusta.

16 Ermekbaev N.B. Mnogostoronnee vzaimodeistvie v sfere bezopasnosti v Azii v kontekste vneshnepoliticheskoi strategii

---

Kazakhstan: politicheskie aspekty. Diss. kand. polit. nauk. – Almaty: Akademiya gosudarstvennogo upravleniya pri Prezidente RK, 2009. – 153 s.

17 Ministry oborony stran SHOS obsudili podgotovku k sovmeystnym ucheniyam. Tsentr Aziya. // <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1183967100>>.

18 Lavrov V.S. Status i deiyatel'nost' Shanhaiskoi organizatsii sotrudnichestva (mezhdunarodno-pravovoi aspekt). Diss. kand. yurid. nauk. – Moskva, 2008. – 191 s.

19 Putin V.V. SHOS – novaya model' dlya uspeshnogo mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Rossiiskaya gazeta. – 2006. – 14 iyunya.

20 V minoborony RF razrabatyvaetsya kontseptsiya voennogo sotrudnichestva v ramkah SHOS // Novosti VPK. // <http://vpk.name/news/2944_v_minoboronyi_rf_razrabatyivaetsya_koncepciya_voennogo_sotrudnichestva_v_ramkah_shos.html>.